

Музы

Надеждой мысли веселятся,
 Представив вожделенной час,
 Как с невскими соединятся
 Вознесть московским музы глас,
 Наполнят воздух шумом новым
 И купно с именем Петровым
 Елисавету возгласят.

Далее, говоря о науках, находящихся в России еще только в младенческом возрасте, Поповский вновь употребляет характерный ломоносовский образ наук, «простирающих руки» к монарху в благодарность за насаждение наук в России:

Младенчествующи науки
 Тебе, монархия, гласят,
 К тебе свои простерши руки
 И немотствуя говорят.

Представляет интерес для характеристики поэзии Поповского последний оксюморон — «И немотствуя говорят», т. е. молча говорят.

Чисто по-ломоносовски звучит строфа о «недоброхотах», которые завидуют похвалам по отношению к другим:

Иные зависть производят
 В недоброхотах похвалы,
 Иные в жизни честь находят,
 По смерти страждут от хулы.
 Сия заслуга всем любезна,
 Чужим мила, своим полезна.
 Живущих беспритворна честь
 По смерти славу оставляет
 И память в веки продолжает,
 Ей зависть не вредит и леств.

Поповский подчеркивает важность для живущих «беспритворной чести», которая оставляет после смерти славу и остается в памяти людей. Таким не может повредить ни зависть, ни леств.

Все эти примеры ломоносовского стиля в оде Поповского свидетельствуют о том, что новый московский Парнасс получил в лице Поповского действительно достойного последователя Ломоносова. Успехи его на литературном и научно-педагогическом поприще, конечно, воспринимались Ломоносовым с глубоким удовлетворением. В Поповском он видел достойного себе преемника. Так воспринимали эту преемственность и их современники, высказываясь и о Ломоносове и о Поповском в этом плане уже после их смерти.